

Кузьма
Скрябин
ПРОЗА

Харьков
«ФОЛИО»
2018

Когда не знаешь, с чего начать, то закрадывается мысль: а стоит ли вообще начинать? Но есть о чем рассказать и, видимо, придется все-таки с чего-то начать. Например, с того, как я зашел к Орыське. Она жила в моем вонючем подъезде тремя этажами выше. Подъезд вонял не потому, что там жили мы с Орыськой, а просто вонял, как воняли в те времена все «советские» подъезды. Я позвонил в дверь. В то время, как советская молодежь штурмовала вершины наук, Орыська в триста восьмой раз вернулась с товаром из Турции и снова собиралась ехать туда через пару дней, чтобы удовлетворить потребности украинских трудящихся в свитерах «Бойс». Это, должен вам сказать, ей удавалось. Половина жителей Новоеврейска считала признаком хорошего тона лазить по городу в свитерах от Орыськи. И Новоеврейск вечерами напоминал колонию «Бойсов», которые отличались друг от друга разве что цветом самой надписи «Бойс». Орыська открыла дверь и окинула взглядом подъезд за моей спиной. Я заходил нечасто, и, Бог свидетель, мой визит ничего хорошего Орыське не предвещал. Я вошел и, не распространяясь о погоде и о том, как идут дела, перешел к главной цели своего визита:

— Орыська, займи двести баксов.

(В то время сумма в двести долларов была эквивалентна теперешней сумме в две тысячи баксов.) Орыська, уже давно оперировавшая суммами, где нулей было значительно больше, чем в той, что просил я, тряхнула кудряшками в знак согласия, и через минуту я стоял за дверью, зажав в руке то, о чем еще десять минут назад боялся мечтать. За двести долларов я должен был купить ПЕРВУЮ В СВОЕЙ ЖИЗНИ собственную машину. Ровно за такую сумму ее продавал один львовский художник. И не потому, что нуждался в деньгах. Он купил новые «Жигули», а «Победа», да, именно о ней идет речь, стояла в гараже лет сто, и никто не знал, каким образом ее оттуда извлечь. Это покажется странным, но я это почему-то знал. Я никогда не искал легких путей в решении проблем, и даже когда все казалось элементарным — шел в обход. Для того чтобы «Победа» выехала из гаража, нам, как минимум, нужен был аккумулятор. Я позвонил Кьюру, и мы вечером, аккуратно раскурочив полмусоровоза, сняли с него далеко не первой свежести, но в рабочем состоянии танковый аккумулятор. Почему танковый — никто не знал, но тогда все батареи крупнее «жигулевских» назывались танковыми. Кьюр любил стремные экспедиции, и поэтому кандидатура соучастника не обсуждалась. У него было богатырское здоровье, и пока я собирался с мыслями и искал, чем бы открыть капот, Кьюр его просто сломал, так же, как однажды отломал в трамвае компостер и пробил им голову какому-то алкоголику, который всего лишь косо на него посмотрел. Вместе с аккумулятором мы вытащили с полметра толстенного кабеля, который уходил куда-то в кабину. На следующий день со всем этим добром в громадной сумке и двумястами баксов, спрятанных в карманчике в трусах, я гордо ввалился во двор художника.

Это, судя по всему, был художник-неудачник, во всяком случае, такое он производил впечатление. Типа — сам

творю, сам кайфую, и никому не дано понять силу моего таланта. Мы зашли в гараж. Красавица «Победа» стояла накрытая какой-то ветошью, на которой сохранились еще письма древних ацтеков. Художник недооценил свои возможности и, дунув на капот, поднял такое облако пыли, что сам растворился в нем. После того, как пыль осела, в том числе и на меня, художник вновь появился на экране и спросил:

— Деньги привез?

— Само собой, — ответил я тоном, достойным Билла Гейтса, который решил прикупить фирму Apple Macintosh. Отвернувшись, я засунул руку в штаны и, изрядно повозившись, чуть не порвав одну из соток, выдал деньги нагору. Протянул их художнику:

— Прошу.

Тот взял банкноты и стал их изучать — один Бог знает, что он мог увидеть в темноте гаража. Однако изучал он деньги долго и наконец спрятал их в карман. Я невольно порадовался, что Орыська дала сотками, а не десятками, не то мы провели бы в гараже всю ночь. С таким же успехом художнику можно было всучить два клочка туалетной бумаги или две салфетки. Он даже боялся доставать при свете дня эти деньги из кармана, преследуемый мыслью, что его могут посадить за валютные операции.

Мы вытащили аккумулятор из сумки и открыли капот машины. Места там было значительно меньше, чем хотелось бы. Аккумулятор пришлось поставить в багажник, который напоминал скорее дамскую сумочку. Кроме этого злополучного аккумулятора туда можно было втиснуть разве что пачку сигарет. Пригодился тот кабель, который мы с Кьюром выдрали из мусоровоза. Им нужно было соединить расположенный в багажнике аккумулятор и стартер под капотом — я думаю, что когда мы протаскивали кабель, толщиной с руку, под сиденьями автомобиля, его конструктор трижды в гробу

перевернулся. До такого могли додуматься разве что наши, советские умы. И это еще не было верхом нашей изобретательности. Кабель не пролезал в дыру под рулем, которая вела из кабины под капот, и мы пустили его снаружи. Он выходил со стороны передней правой двери и спокойноенько возвращался обратно. В воздухе провисало всего каких-то сорок сантиметров. Тот факт, что кабель был пережат дверью и крышкой капота, нас абсолютно не смущал.

Салон «Победы» — это отдельная песня. Вы открываете дверь, которая весит, наверно, как автомобиль «Таврия» с четырьмя пассажирами на борту, и попадаете в большую просторную квартиру с двумя диванами. Заднее окошко, размером с зеркальце для бритвы, входящее в комплект бритвы «Харьков», создает незабываемую атмосферу покоя и комфорта. Через него ничего не видно ни из салона, ни с улицы. Такое себе окошко. Над задним диваном аркообразный свод потолка машины подчеркивает бесконечность вселенной и создает иллюзию прекрасного чистого неба, которое погибает у вас за головой и падает на фиг куда-то за диван, подтверждая тем самым гипотезу о том, что Земля круглая. Выпуклая люстра посередине высоченного, как австрийские перекрытия львовского вокзала, потолка «Победы» включалась таким же большим помпезным тумблером, чтобы не промахнуться в темноте. Когда свет заливал салон, вам не хватало только одного — цветочных горшков на прекрасных овальных окнах автомобиля. Чтобы не отвлекать водителя от спокойной, по-домашнему уютной атмосферы внутреннего мира «Победы» бардаком, творящимся на дороге, переднее, то есть ветровое стекло было задумано в виде узенькой щелочки, разделенной посередине планкой, как защитные очки токаря. Через него, так же, как и сквозь его задний аналог, почти ничего не было видно в обе стороны — туда и обратно. То есть человек, который имел счастье управлять этой квартирой на колесах, жил своей

жизнью. Безопасностью своего путешествия он был обязан остальным водителям, которые ломали себе голову, как с ним благополучно разминуться на дороге.

Сел я в этот салон — и слезы восторга хлынули от испытанных мною ощущений. Сиденья были сделаны по заказу какого-то партийного босса из кожи свиноматки, и приятный холодок свиного тела завершал перечень всех плюсов, связанных с этим агрегатом.

Художник стоял в сторонке и не знал, плакать ему или радоваться от того, что машина, после которой в гараже освободилось место для троллейбусного парка Львова, наконец-то выедет на свет божий не с ним, а с каким-то полоумным студентом, который назвал себя медиком, а выглядел как безработный лондонский докер, собирающий пивные бутылки по мусоркам черного района Пэкхем.

— Ну что, едем в МРЭО? — У меня, как у нового владельца, прорезались командные нотки, которые и вывели художника из ступора.

— Ага, только переоденусь, — пробормотал он и шаркал старыми шлепанцами по песчаному двору. Его кот, который немо наблюдал за нами все это время, ползал у себя под хвостом, усмехнулся себе в усы и забрался под машину.

Я проверил все соединения, которые сделал пять минут назад. В технике я шарил ровно настолько, чтобы закрутить клеммы на аккумуляторе и повернуть ключ зажигания, что успешно и проделал. «Победа» хранила молчание. Я крутанул ключом еще раз — шит хеппенс, как говорят англичане. Тут вернулся художник. Он нес какую-то огромную металлическую ручку. Я сразу решил, что он проверил дома бабки, и они оказались фальшивыми. Видно, Орыська подсунула мне какое-то «палево». Не зря она так легко с ним рассталась. Понавезла от турков фуфла и теперь людям втюхивает. Но художник с неизменно растерянным выражени-

ем фейса выдал информацию о том, что без помощи этой штуки машина из гаража пока ни разу не выезжала. Оказалось, нужно было вставить эту ручку в специальную дыру в решетке спереди и крутить, попердывая в такт проворачиванию засохших цилиндров. С подобным процессом я в своей невинной жизни еще не сталкивался. Но все бывает впервые. Я вставил ручку в отверстие и начал заниматься с «Победой» медленным и гнетущим сексом. Художник наблюдал за мной пару минут и, когда я стал напоминать зашедшегося в приступе астматика, сказал, что, возможно, нужно подкачать педаль газа, после чего залез в кабину и пару раз нажал ногой на гашетку. Я крутанул горбатую ручку, и какое-то особое чувство подсказало мне, что этот инструмент на ближайшие годы станет неотъемлемой частью МЕНЯ. Всем своим весом я надавил на злосчастный костыль и крутанул сильнее и резче, чем прежде. Машина кончила! Ей понравился способ, которым я насиловал ее железную пицунду. Она рыкнула и завелась. Двигатель работал на удивление ровно и размеренно. Звук, правда, был при этом такой, будто падал грузовой самолет.

— Просто глушака нет, — решил утешить меня художник.

— Я уже понял, — ответил я, но в рокоте этого зверя художник моего голоса не услышал. Радость моя все же была намного больше, чем разочарование. Еще одна вылазка с Кьюром, — и будет глушак. Какая разница, что откручивать? Художник недоверчиво спросил:

— Ты водить умеешь?

Я хотел ответить грубо, но сдержался, боясь, что он раздумает продавать машину.

— Я с трех лет за рулем, — соврал я и забрался на место водителя. Художник сел рядом, и я тронулся. Рычаг переключения передач находился на руле, как в американских тачках, и я прибалдел, как ребенок. Когда врубал

первую — к себе и вниз! Вторая — от себя и еще раз от себя.

— Классно едет, — сказал я художнику, не понимая, как она должна была бы ехать, чтобы я не произнес этих слов. Машина плавно катилась по львовской брусчатке, громыхая своей разболтанной требухой. Люди оборачивались на нас и реагировали по-разному. Одни крутили пальцем у виска, другие кричали нам вслед что-то приятное, типа: где вы ее откопали, придурки? Третьи показывали «фак», а четвертые бормотали себе под нос всяческие проклятия в наш адрес. Одним словом, я и моя машина с самого начала нашего сожительства вызывали у окружающих абсолютный позитив.

В милиции мы пробыли недолго. Прделав все необходимые манипуляции, художник быстренько слинял в неизвестном направлении, довольный тем, что не придется еще раз позориться в этом ржавом корыте. А я, окрыленный, поехал на Своей Собственной машине в Новоеврейск — город романтиков и полоумных, одним из которых был и я.

Я припарковался перед своим вонючим подъездом, вызвав оживление у бабулек, которые тоннами лузгали семечки под подъездом и обсасывали со всех сторон абсолютно каждую новинку, которая попадалась им на глаза.

— Смотри, смотри, у малóго Кужьменка уже машина есть, — услышал я за спиной.

— Где только эти куркули деньги берут? У папаши машина, у сынка — машина...

Я не испытывал радости от общения с бабками, и поэтому каждый раз моя беседа с ними дальше «здрасьте» не шла. Я взлетел на третий этаж, позвонил в двери и, когда мама открыла, сказал:

- Ма, выйди на улицу, что-то покажу!
- Принеси сюда, Андрюша, у меня времени нет.
- Ма, ну выйди, я тебя прошу. Это сюрприз.

СОДЕРЖАНИЕ

Я, «Победа» и Берлин	3
Город, в котором не ходят деньги	81
Я, Паштет и Армия	155
Я, Шоник и Шпицберген	355